

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРРУПЦИЯ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

К. Н. Козлов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 16 сентября 2025 г.

Аннотация: политическая коррупция остается одной из наиболее острых проблем, затрагивающих экономическое, социальное и культурное развитие современных государств. В условиях глобализации и увеличения взаимозависимости различных государств понимание коррупции требует анализа не только политических и экономических, но и культурных аспектов, которые формируют нравственные нормы и ценности общества. Культурный контекст коррупции включает в себя исторические традиции, религиозные убеждения и социальные нормы, которые могут способствовать или, наоборот, препятствовать коррупционным практикам. Исследование культурного среза позволяет выявить, каким образом общественные представления о цели и средствах ее достижения, о власти, честности и справедливости влияют на восприятие коррупции и ее уровень в обществе.

Ключевые слова: политическая коррупция, культурный контекст, ментальность.

Abstract: political corruption remains one of the most pressing issues affecting the economic, social and cultural development of countries. In the context of globalization and increasing interdependence of various states, understanding corruption requires analyzing not only political and economic, but also cultural aspects that shape the moral norms and values of society. The cultural context of corruption includes historical traditions, religious beliefs and social norms that can contribute to or, conversely, hinder corrupt practices. The study of the cultural cross-section allows us to identify how public ideas about power, honesty and justice affect the perception of corruption and its level in society. Thus, the purpose of this article is to study the cultural factors that determine political corruption in the context of supplementing a comprehensive analysis of this shadow political practice.

Key words: political corruption, cultural context, mentality.

Политическая коррупция остается одной из наиболее острых проблем, затрагивающих экономическое, социальное и культурное развитие современного государства, моральное состояние общества и отдельного индивида. В связи с долговечностью существования этого феномена, его присутствия в различных историко-культурных контекстах теоретико-методологическая и эмпирическая база исследования коррупции разработана достаточно основательно и включает в себя труды не только экономистов, историков, политологов, но и социологов, культурологов, антропологов и т. д. Тем самым коррупция представляет собой универсальное социальное явление, многозначное по своим функциональным проявлениям, но создающее серьезные политические проблемы в периоды радикальных общественных трансформаций.

Природа политической коррупции

Основная проблема, связанная с понятием «политическая коррупция», заключается в разнообразии методов и подходов к исследованию этого явления, что приводит к неясности в определениях. В связи с

этим необходимо уточнить некоторые ключевые параметры этого феномена.

Чаще всего коррупцию определяют как попытку добиться богатства или власти незаконными средствами, т. е. получить личную выгоду за общественный счет. Вместе с тем природа этого явления существенно сложнее. Известный американский социолог Р. Мертон определял коррупцию, исходя из дихотомии целей и средств, принятых в той или иной социальной системе и определяющих социально-политические практики различных групп интересов: «коррупция есть такая разновидность социального поведения, которая формируется под давлением общества и выражается в нарушении установленных норм» [1, с. 155]. Другая теория имеет скорее социально-антропологические корни, поскольку трактует коррупцию как проявление партикуляризма, т. е. помощь и заботу в системе только тем группам и слоям, по отношению к которым имеются личные обязательства, т. е. членам семьи, родственникам, близким, друзьям и т. п. Наиболее видимым проявлением такой разновидности коррупции является непотизм. Автор концепции «аморальной семейственности» Э. Банфилд понимает под последней культуру, в которой поощряются семейные узы и отсутствует представление о групповых или общественных интересах, а

также готовность им следовать. Такая семейственность аморальна, порождает коррупцию, крайним проявлением которой становится мафия [там же, с. 159]. Страны, лидирующие по шкале семейственности, оказываются, как правило, наиболее коррумпированными. Этот вывод подтверждает ситуация в большинстве азиатских государств, которые известны прочностью своих семейных связей.

Отечественные исследователи также исходят из трактовки коррупции как незаконного взимания платы чиновниками за оказание дополнительных услуг. Д. А. Зарандия в своей диссертации рассматривает политическую коррупцию как форму взаимодействия, в которой одна из сторон имеет государственные полномочия, полученные через доверие избирателей. Мы поддерживаем точку зрения Д. А. Зарандии [2, с. 32], которая считает этот вид коррупции общественным явлением, в котором участники (как официальные, так и неофициальные) используют различные политические механизмы для удовлетворения личных интересов.

Для глубокого понимания политической коррупции важно рассмотреть агентскую концепцию, разработанную в рамках экономических институтов (Т. Эггертссон, 2001; О. И. Уильямсон, 1996) [3; 4]. Эта теория широко применяется в исследовании коррупционных связей. В качестве примера можно упомянуть работы Н. Гренендийка [5], Ч. Перроу [6], а также российских политологов И. М. Бусыгиной и М. Г. Филиппова [7, с. 50–71]. Сторонники данного подхода утверждают, что коррупция, прежде всего, обусловлена информационной асимметрией между принципалом и агентом. Принципал, не обладая специальными знаниями, не в состоянии самостоятельно решать определенные вопросы, и именно по этой причине он обращается к агенту за помощью. В контексте бюрократической коррупции должностные лица выступают в роли агентов, тогда как принципами являются подчиненные им, нижестоящие чиновники. В политической коррупции агентами становятся политики, а принципами – избиратели. Важно отметить, что в политике агент может исполнять двойную роль: с одной стороны, он обслуживает интересы принципала (например, граждан), а с другой стороны, он должен заставлять принципала следовать установленным правилам (таким, как действующее законодательство и нормативные акты).

Коррупционное взаимодействие делится на два типа: верхушечное и низовое. Верхушечное взаимодействие охватывает участников на высших уровнях власти, принимающих ключевые политические решения. Низовая коррупция связана с более низкими уровнями служащих и чаще всего процессуально-бюрократическими вопросами, рутинной работой [8, с. 112]. Рассматриваемая в настоящей статье полити-

ческая коррупция относится к верхушечной, так как включает взаимодействие с высшими представителями власти и государственного аппарата.

Структурный контекст политической коррупции

Известный американский ученый С. Хантингтон предлагал рассматривать проблему коррупции в историческом плане: коррупция, по его мнению, обусловлена определенным уровнем политического развития и традициями тех или иных обществ. Хотя коррупция существует во всех обществах, степень ее распространенности далеко не одинакова и зависит от множества факторов.

Один из них – уровень социально-экономического развития страны. В частности, предрасположенность к коррупции в *традиционных обществах* существенно выше, чем в *обществах современных*. Нормы традиционного общества поощряют семейственность и nepotизм как условия поддержания социальных связей или необходимый инструмент перераспределения материальных благ. В современных же обществах, напротив, эти явления противостоят представлениям о государственной службе и однозначно осуждаются.

Другим фактором выступает быстрый экономический рост и повышение уровня благосостояния населения, что в перспективе повышает значимость «добропорядочного поведения» чиновников, которым – в случае «коррупционных соблазнов» – есть что терять и эти потери существенны. Это обстоятельство по мере роста материального благосостояния становится более важным, чем, скажем, религиозные или иные моральные ограничения.

Третий фактор – это корреляция размеров коррупции со скоростью социальной и экономической модернизации. Как показывает проделанный С. Хантингтоном историко-политологический анализ, пики коррупции в общественной жизни ряда государств Европы совпадают с динамикой промышленной революции, появлением новых источников богатства и власти, возникновением новых классов и предъявлением ими новых требований к государству [9, с. 75]. В такие периоды политические институты объективно слабеют, поскольку старые нормы теряют свою эффективность, а новые еще не закрепились и не легитимированы в массовом сознании [10, с. 422]. В условиях конфликта между традиционными и современными нормами и ценностями, сопровождающего модернизационный процесс, у активных индивидов и групп появляется возможность действовать, игнорируя как старые, так и новые нормы. Более того, отрицание старых норм и стандартов может привести к полной делегитимации всех и всяческих стандартов. Можно согласиться с выводом С. Хантингтона о том,

что политическая коррупция является одним из следствий «отсутствия эффективной политической институционализации» [9, с. 75].

Очевидно, что коррупция как универсальное социальное явление приобретает острый политический характер в трансформационные периоды. Вместе с тем применительно к историческим условиям, свойственным переходу от «традиционности» к «современности», коррупцию нельзя считать абсолютным злом: напротив, она выполняет определенную функциональную роль, обеспечивая поддержку преобразований теми общественными группами, которые в противном случае могли бы выступить против власти. Она становится своеобразным громоотводом, поскольку там, где высока коррумпированность, высок и уровень насилия.

Сказанное не означает игнорирование негативной стороны коррупционных практик. Очевидно, что коррупция, безусловно, ослабляет эффективность управления, но борьба с ней не должна носить «компанийский характер». Решение этой непростой проблемы требует поступательного развития общества, прежде всего всестороннего совершенствования политической системы, т. е. ее институционализации. Успех модернизации зависит, по Хантингтону, от способности политической системы осуществить радикальные преобразования, которые должны охватить не только институциональную систему, но все области общественной жизни, включая сферу общественного сознания (ценности, мотивацию, поведенческие нормы, структуру личности и определение ее идентичности). Немаловажно, что власть должна преобразовать и саму себя, рационализовав форму и природу управления [там же, с. 12]. Именно на путях рационализации и институционализации власти можно преодолеть издержки такого явления, сопутствующего государственной власти, как коррупция.

Культурная составляющая коррупции

При рассмотрении коррупции как культурного феномена внимание следует сфокусировать на двух основных аспектах, демонстрирующих амбивалентность в восприятии коррупционных практик. Первый аспект связан с национальными культурными традициями, которые либо не приемлют коррупцию, либо, напротив, лояльны по отношению к ней и могут создавать коррупциогенные отношения и действия, с трудом поддающиеся распознаванию.

Большинство исследователей вполне солидарны в том, что важным фактором в рамках любой, даже секулярной, культуры является религиозная составляющая. В частности, протестантский религиозный этос располагает к законопослушному поведению, вследствие чего протестантские страны менее коррумпированы, нежели все остальные [11]. Культур-

ную особенность протестантизма подчеркивал еще М. Вебер, отмечая такие его черты, как готовность брать ответственность на себя, ориентацию на личные достижения, прилежание, добросовестный труд и т. д. Другие христианские конфессии (например, католицизм или православие), напротив, настаивают на особой попечительской роли церкви, поскольку человек слаб и греховен от природы, и только духовенство может избавить верующих от тягот ответственности. Страны с преобладанием этой конфессиональной идентичности коррумпированы в большей степени, нежели страны с протестантской культурной идентичностью.

К католическим и православным культурным традициям можно отнести следующие принципы работы коррупционного механизма.

1. В знак благодарности за услуги принято дарить подарки и оставлять «чаевые». Здесь ключевой проблемой является сложность различения настоящей благодарности и благодарности как де-факто коррупционного действия. Особенность этого теневого механизма заключается в том, что такую практику можно выявить, только находясь в определенном культурно-этическом контексте ситуации, тогда как формально и (или) юридически различить эти действия чаще всего не представляется возможным.

2. Выполнение взаимных обязательств по принципу «ты мне – я тебе», трансформирующееся в безденежные коррупционные отношения. Здесь платой за услуги становятся не деньги, а ответные услуги, лоббирование интересов, помощь в получении любой иной выгоды коррупционными акторами. Подобная благодарность становится основным неформальным механизмом принятия решений, который негативно влияет на нормальное функционирование политических институтов.

3. Наличие семейной и клановой поддержки в системе способствует укоренению и развитию кумовства, включая назначения на государственные должности. Этот факт базируется на культурной и этической идее поддержки «своих» («аморальная семейственность»), но при этом подрывает прозрачность системы, делает ее закрытой, значительно улучшает условия для возникновения коррупционных практик. В их числе – назначение на должность родственника или «своего человека», не обладающего нужными знаниями и профессиональным соответствием, что наносит ущерб качеству управления.

Второй аспект заключается в том, что коррупция разрушает морально-нравственные основы общества, снижает общий культурный уровень всей системы через плавную, постепенную переоценку и (или) подмену культурных ценностей теневыми механизмами. Такая подмена проявляется в нарастающей вере общества в том, что коррупционные практики были

всегда, являются если не нормой, то неотъемлемой частью системы, а также своего рода культурной традицией («у нас так принято»). В таком случае вслед за подменой культурных ценностей меняется и восприятие политической культуры – в глазах и обывателей, и политических акторов такая культура из «теневой» и осуждаемой превращается в «нормальную» для действующей системы. Подобная политическая культура выражается в особой устойчивости и широком распространении стереотипа тотальной коррумпированности власти; недоверия граждан к циничной и продажной власти и ее лидерам; господства «двойной морали» и аморального отношения к делам государства и до определенного «болевого порога» политической апатии [12, с. 10], скептицизма и индифферентности к решениям и действиям власти [12, с. 15–44; 13, с. 120–147]. Кроме того, «функционирование и развитие политической коррупции постепенно приводит к формированию своеобразной культуры политической коррупции, продиктованной практическими интересами, а также интеллектуальными, нравственными, эстетическими запросами клептократии и смежных социальных групп, их субъективными представлениями о политике» [12, с. 77].

Функциональная роль политической коррупции

Поскольку подстраивание к новым социально-экономическим условиям часто (и легче) осуществляется через развитие негативных практик, цели государственной политики могут смещаться с задач общенационального развития на интересы отдельных олигархических или криминальных группировок. Многие чиновники начинают воспринимать свою должность как продолжение рыночных отношений, при этом демократия рассматривается как возможность превращения обычного рынка в рынок коррупционных услуг. Некоторые исследователи в целом находят коррупцию неотъемлемой (а иногда даже полезной) частью мировой человеческой культуры, а потому не видят смысла во всех мерах по борьбе с нею. Эти идеи отчасти опираются на теорию М. Вебера, который сделал вывод о функциональности и приемлемости коррупции при условии, что она усиливает позицию элит, гарантирующих ускорение происходящих в обществе изменений [14, с. 188]. Согласно точке зрения сторонников данного подхода, коррупция исполняет в социальной системе определенные политические и экономические функции и в этом плане может сыграть конструктивную роль: например, как неофициальное средство дерегулирования – «смазки» для сокращения бюрократических барьеров, быстрого принятия эффективных решений¹

[15, с. 14–20]. Например, в странах с неэффективной государственной системой коррупционные практики могут способствовать ускорению процессов, которые в противном случае заняли бы много времени. Такими последствиями применения коррупционных механизмов могут являться:

- стимулирование предпринимательства. В некоторых случаях местные предприниматели могут платить взятки для получения лицензий или разрешений, но это может также означать, что проект, который их бизнес реализует, принесет пользу обществу, создавая рабочие места и способствуя экономическому развитию;

- обеспечение социальных услуг. В странах с неразвитыми государственными институтами функции, которые подразумевают взяточничество (например, получение медицинских услуг без очереди), могут приводить к более быстрому доступу к необходимой помощи, что в определенных условиях может восприниматься как положительная практика;

- ускорение реализации инфраструктурных проектов. Иногда коррупция может сокращать время на реализацию крупных инфраструктурных проектов, таких как дороги или мосты. Если взятки помогают избежать бюрократических задержек и проект завершен быстрее, это улучшает качество жизни людей. Однако в конечном итоге такие практики часто ведут к неравенству, неэффективному распределению ресурсов и долгосрочным социальным проблемам.

Коррупцию часто описывают как «болезнь грязных рук», однако с культурной точки зрения можно определять ее как «болезнь совести». Это подтверждается тем фактом, что многие чиновники, уличенные в коррупционных действиях, активно занимаются строительством церквей и часовен, а также делают пожертвования, стремясь искупить свои грехи. О схожей социально-психологической особенности богатых писал Т. Гоббс еще несколько веков назад в «Левиафане»: «Люди, кичащиеся своим богатством, смело совершают преступления в надежде, что им удастся избежать наказания путем коррумпирования государственной юстиции или получить прощение за деньги или другие формы вознаграждения» [16, с. 119].

Поиск универсальных ценностей, могущих преодолевать клановую мораль и коррупционное поведение, приводит некоторых ученых к возвышению роли религиозного сознания. Однако далеко не все

ральных и региональных органах власти по заказу Управления по контролю и профилактике коррупционных правонарушений правительства Воронежской области показывают, что основным мотивом бизнес-структур, прибегающих к даче взяток, является стремление сократить бюрократические барьеры для оперативного решения многих важных и неотложных вопросов.

¹ Результаты многолетних исследований отношения населения и бизнеса Воронежской области к коррупции в феде-

согласны с подобным подходом. Так, Л. Г. Фишман отмечает: «...последним средством нередко представляется крепкая, неформальная религиозная вера, ведущая к нравственному перерождению человека. Ее воздействие заключается в том, что она вызывает индивида из сферы потенциально коррупциогенных социальных связей, побуждая заботиться скорее не о благе своих ближних, а о спасении своей души. Поэтому не удивительны упования некоторых высших чиновников российского государства на православие как лекарство от коррупции. Однако не следует возлагать на православие слишком больших надежд. Сведение проблемы коррупции к наследию атеистического воспитания как минимум не учитывает опыта дореволюционной России, где религиозное воспитание коррупции не препятствовало» [17, с. 131].

Комплексный анализ коррупции как политической практики с этической точки зрения позволяет выявить как сложность ее природы, так и неоднородность ее влияния на общественное развитие, функционирование политических институтов. С одной стороны, она может способствовать улучшению краткосрочной эффективности систем, служа инструментом, стимулирующим конкуренцию между чиновниками и организациями за получение ресурсов и выгод. Но, с другой стороны, деструктивное влияние коррупции на политическую или любую иную систему остается очевидным и встречается гораздо чаще. В обществах со слабой институциональной базой коррупция действует как неформальный механизм распределения ресурсов, создавая возможность для снижения власти некоторых групп в пользу других, нарушения основных прав и свобод человека. Она разрушает общественное доверие к правительственным институтам, а в долгосрочной перспективе ухудшает экономические условия жизнедеятельности государства. Ресурсы, которые могли бы быть использованы для общественных нужд, уходят в карманы коррупционеров, тем самым препятствуя развитию инфраструктуры, других важных сфер экономики и разрушая основы социальной справедливости, доверия и долгосрочного устойчивого развития.

В заключение отметим, что культурные особенности политической коррупции варьируются в зависимости от исторического контекста, социальных норм и ценностей общества. В некоторых странах коррупция может рассматриваться как приемлемая практика или даже часть культурной традиции, что приводит к ее нормализации и широкому распространению. Кроме того, в обществах с низким уровнем доверия к институтам государственной власти коррупция может восприниматься как единственное средство достижения целей, что еще больше усугубляет проблему. Политическая коррупция (как и коррупция в целом) требует детального и всестороннего

анализа для выявления ее как положительных, так и отрицательных сторон с целью дальнейшего формирования более прозрачных и подотчетных политических институтов, определения стимулов и мотивов использующих ее политических акторов, улучшения качества взаимодействия населения и государственной системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. – М. : Московская школа политических исследований, 2002.
2. Зарандия Д. А. Политическая коррупция как форма теневой власти : автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Ростов н/Д., 2012. – URL: <http://cheloveknauka.com/politicheskaya-korrupsiya-kak-forma-tenevoy-vlasti> (дата обращения: 02.07.2025).
3. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма : фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация : [пер. с англ.] / О. И. Уильямсон ; [науч. ред. и вступ. ст. В. С. Каткало]. – СПб. : Лениздат, 1996.
4. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты / Т. Эггертссон. – М. : Дело, 2001.
5. Groenendijk N. A. Principal-Agent Model of Corruption Crime / N. A. Groenendijk // Law & Social Change. – 1997. – № 27.
6. Perrow Ch. Complex Organizations : a Critical Essay / Ch. Perrow. – N. Y. : Random House, 1986.
7. Бусыгина И. М. Ограничить коррупцию : найти новых людей или изменить мотивации? / И. М. Бусыгина, М. Г. Филиппов // Политические исследования. – 2013. – № 1.
8. Антикоррупционная политика / под ред. Г. А. Сатарова. – М. : Фонд ИНДЕМ, РА «СПАС», 2004.
9. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон. – М. : Прогресс-Традиция, 2004.
10. Мадьяр Б. Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура : в 2 т. / Б. Мадьяр, Б. Мадлович. – М. : Новое литературное обозрение, 2022. – Т. 2.
11. Согласно международному Индексу восприятия коррупции – 2024 г., в топ-20 наименее коррумпированных стран входят Дания, Финляндия, Швеция и другие страны протестантского культурного ареала. – URL: <https://ru.tradingeconomics.com/country-list/corruption-rank> (дата обращения: 08.07.2025).
12. Гевелинг Л. В. Клептократия. Социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. Борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти / Л. В. Гевелинг. – М. : Гуманитарий, 2001.
13. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство : причины, следствия, реформы / С. Роуз-Аккерман. – М. : Логос, 2003.
14. Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990.

15. Доклад о деятельности в области противодействия коррупции в Воронежской области в 2024 году. – URL: <https://beta.govvrn.ru/sites/default/files/2025-03/2024%20доклад.pdf> (дата обращения: 14.07.2025).

16. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс. – М. : Мысль, 2001. – URL: Левиафан-или-Материя-форма-и-власть-государства-церковного-и-гражданского.Томас-Гоббс..pdf (дата обращения: 14.07.2025).

17. Фишман Л. Г. Движемся ли мы к антикоррупционной системе ценностей? / Л. Г. Фишман // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Всерос. науч. конф. / отв. ред. В. Н. Руденко ; ред. К. В. Киселев, Е. А. Степанова, В. В. Эмих ; Ин-т философии и права Урал. отд-ния Рос. Акад. наук. – Екатеринбург, 2014.

*Воронежский государственный университет
Козлов К. Н., преподаватель кафедры социологии и
политологии
E-mail: kirill_kozlov96@mail.ru*

*Voronezh State University
Kozlov K. N., Lecturer of the Department of Sociology
and Political Science
E-mail: kirill_kozlov96@mail.ru*